

КИРА ЛАНВИН

Ты меня
НЕ ЗНАЕШЬ

Кира Ланвин

Ты меня не знаешь

«Автор»

2023

Ланвин К.

Ты меня не знаешь / К. Ланвин — «Автор», 2023

Мне кажется, что моя жизнь похожа на ад. Проблемы дома и в школе. Фобии и нищета. Вишенкой на торте – одноклассник. Богатенький парень, для которого я и подобные мне – никто. Он меня ненавидит, и ни дня не проходит без его издевательств. Вот только всё меняется, когда я случайно узнаю его секрет, и... лучше бы между нами и дальше была только ненависть.

© Ланвин К., 2023

© Автор, 2023

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	15
Глава 4	20
Глава 5	23
Глава 6	28
Глава 7	32
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Кира Ланвин

Ты меня не знаешь

Глава 1

Холод. В квартире снова ужасно холодно. Отопление почти не работало последние три дня, батареи едва теплые, а на улице метель и февральские морозы. Я чувствовала, как через щели в разошедшейся деревянной раме в комнату проникает ледяной ветер. Я пробовала заклеивать их, затыкать ватой, но получилось не очень – материала было слишком мало. Помимо рамы проблема была и под широким деревянным подоконником, кажется, оттуда дуло даже сильнее, но у меня не хватило покрывал или одеял, чтобы всё закрыть. И я сдалась. В такие моменты мне казалось, что я умру от переохлаждения и голода, но я гнала эти мысли прочь. По крайней мере, старалась, хотя чаще они настойчиво захватывали сознание и заставляли меня оплакивать себя же, ещё живую, но не слишком здоровую.

Я нацепила на себя всё теплое, что сумела найти и завернулась в одеяло. Я знала, что в другой комнате было в разы теплее, но не могла туда пойти. Там была очередная попойка, и все крики и глупые разговоры я слышала даже через двери и одеяло на моей голове. Я ненавидела это всей душой. Мне хотелось побить всех этих людей, что приходили к нам домой, а после вытолкать за порог и никогда их больше не пускать. Но разве б меня послушали? Как бы не так.

Оставалось только ждать, когда кончится школа, и надеяться, что до этого времени меня не сдадут в детский дом, я не свихнусь, и просто не умру. И ещё молиться, чтобы через год мне удалось поступить на бюджет. Как бы не пугал новый город и новые люди, здесь оставаться намного страшнее.

Я свернулась, прижала колени к груди, старалась не двигаться. С головой укрылась. Когда стало теплее, осторожно протянула руку к тумбе, на которой лежало моё настоящее сокровище – плеер, который я выиграла осенью в забеге. Чистая удача, зато какой приз. Взяла его и наушники, и быстро вернула руку в убежище. Только музыка и радовала в последние дни – читать просто не было сил.

Я включила рекомендации, раз пять переключила прежде, чем найти что-то цепляющее. И залипла. Песня русского исполнителя. Кажется, это был рок, одно из его направлений точно. Я прослушала раз, два. Боже, почему я раньше её не слышала? По смыслу – про несчастную любовь, я такие обычно не слишком люблю слушать, но сама музыка, голос, эмоции...

Музыка наполняла, отвлекала, полностью сонастраивалась с моей душой, с моим состоянием. Депрессивная, тяжелая, на разрыв, но слушая её, я ощущала, как колючий узел, что в кровь царапал всё внутри, постепенно начинал раскручиваться. Слова отзывались в сердце, губы повторяли беззвучно. Хотелось прокричать их, пропеть в голос, выплеснуть с ними всё, что так сильно мешало.

Оцепенение отпусало, и спустя час можно было продолжать жить. Решать какие-то вопросы, да существовать, в конце концов. Или сделать уроки. Через год выпускные экзамены, надо хоть как-то подтянуть учебу.

В итоге я просто уснула прямо в наушниках, а проснулась от тишины – закончился заряд батареи. В комнате было темно, только кривые тени высокой травы дрожали на потолке и стенах, усиливая мои страхи. В квартире, кажется, тоже было тихо, что несомненно радовало. Надо было перекусить, умыться, посетить туалет, но вылезать в холод не хотелось. Ткнула кнопку на старом, но ещё живом телефоне. Половина четвертого. Пришлось пересилить себя, резко выскочить из-под одеяла и добежать до выключателя, едва не роняя сердце от ужаса,

что кто-то меня вот-вот схватит за щиколотки. Страх того, что может прятаться в темноте, был лишь пунктом в списке моих фобий, которые с возрастом не слабели, а становились либо сильнее, либо просто оставались. И к ним добавлялись новые.

Стоило открыть дверь спальни, как в нос ударил запах сигарет и перегара. Он был и в комнате, но развеянный, не в такой бешеной концентрации. От меня опять будет вонять. Этот запах так легко и крепко въедался в одежду, волосы и даже кожу, что ничего не спасало, ведь он был тут едва ли не постоянно. Ненавижу. Даже донельзя свежий воздух, проникающий в приоткрытое кухонное окно, не мог развеять задымленное едкое марево. Возможно, я умру от пассивного курения.

Я никогда не буду курить.

Дома никого не было и это, с одной стороны, радовало. С другой, лучше бы тётя спала. Как бы чего не случилось в такую морозную ночь. У неё и так с сердцем не очень, а в холод это может обостриться. Скорее бы уже весна.

Никакой еды, конечно, не осталось, зато горы крошек, бутылок и окурков были повсюду. Меня, как обычно, стало тошнить сильнее, и я поняла, что если не поем, потеряю сознание прямо в школе. Поставила на плиту воду с гречкой, а сама занялась уборкой, глотая жгучие соленые слезы обиды и отвращения. Как же я хочу отсюда уехать!

Я опоздала на семь минут. Успела до прихода учительницы алгебры, которая часто опаздывала, но не успела занять нормальное место в кабинете. Дыхание восстанавливалось тяжело, голова гудела от недосыпа, а по телу привычно разлилась смесь облегчения, тревоги и крайней неуместности меня. Последнее – самое тяжёлое. Чувствовать себя всегда и везде чужой – то ещё удовольствие. Я опустила голову, вцепилась в ручку рюкзака и попыталась как можно незаметнее пробраться к пустой парте в первом ряду. Кивнула девочкам, с которыми общалась сносно, остальных старалась игнорировать, но слух безошибочно считывал гадости.

– О, Доска пришла. Чего опаздываешь? – спросил Максим Дроздов, которого все называли просто Дрозд, на что он периодически сердился, но чаще пропускал мимо ушей.

Я молча заняла место, не оглядываясь на него. Достала учебник, тетрадь, с трудом выудила ручку, поставила черный рюкзак на соседний стул и стала пристально рассматривать потеки зелёной краски на почти чистой парте. Вслушивалась в разговоры ребят и надеялась, что обо мне уже забыли те, кто заметил моё появление. Я даже начала расслабляться, ведь тот, кто напрягал меня больше всех, сидел в середине третьего ряда и, кажется, пытался поспать. Вот только рано я обрадовалась. Только успела почувствовать, что позади меня кто-то пробирается между стулом и задней партой, как чьё-то тело приземлилось на край парты. Прямо передо мной. Вязкий страх растекся по телу раскаленным железом. Только не это.

– Проспала, Дубровина? – услышала ненавистный, полный холодной отстраненности голос Градова.

Долговязый парень пристроил свою пятую точку почти на моём учебнике, вытянул ноги, которые упёрлись прямым в стену под батареей, и со скучающим видом, скрестив на груди руки, наблюдал рассвет за огромным окном. Насыщенные оранжевым и розовым лучи, словно закатные, целовали его бледное лицо и светлые волосы, словно хотели поделиться с ним своими красками. Наивные. Человеку-ледышке не нужно ничего, кроме унижения тех, кто ему по какой-то причине не понравился. Например, меня.

– Не сиди на моей парте, – сказала я слишком тихо, не совладав с голосом.

Сердце грохотало как безумное, в ушах начинало шуметь. Опасность слишком близко, внимания затаившегося класса слишком много, а я слишком слаба, чтобы что-то предпринять кроме просьб. Раньше мы даже дрались с Градовым. С ненавистью, желанием победить его раз и навсегда, но, разумеется, я всегда проигрывала.

– Ты что-то сказала? – всё также глядя на полоску горизонта и блестящие крыши домов, спросил Дима.

Я немного отодвинулась назад, едва не опрокинув стул, на котором сидела. От волнения я стала ещё более неуклюжей. Чуть громче повторила свою просьбу.

– Что тебе не нравится? – спросил он равнодушно, и соизволил обратить свой высокомерный взор ко мне.

Лучше бы не поворачивался! Я опустила глаза почти сразу. Лицо, шея и уши горели, руки начинали дрожать. Да что ж все смотрят? Да где учительница? Скорее бы он ушёл! Прочь от меня, из класса, да из школы, в конце концов!

– Что тебе нужно? – спросила я, не поднимая головы.

Глупо, но я не могла заставить себя посмотреть на него. Или на других. Я вообще редко смотрела на кого-то, и ещё реже смотрела в глаза. Говорить с кем-то лицом к лицу – страшнейшее испытание, которое мне часто не под силу выдержать.

Ладонь Димы легла на парту, и мне захотелось её скинуть, словно это был гадкий огромный паук, а не человеческая рука с очень светлой кожей, голубоватыми венами, красивыми длинными пальцами с ровными ногтями. Его ногти были аккуратнее моих, как и сами кисти, и это бесило. Рукав рубашки он подтянул вверх, поэтому я видела узкое запястье с выпирающей косточкой и почти прозрачными волосками. Поперек сгиба на большом пальце левой руки тянулся глубокий белый шрам. Эти руки я уже знала наизусть: столько раз они зависали на моей парте, передо мной, что не сосчитать. Сколько раз я видела, как эти пальцы крутят карандаш или ручку, держат линейку, печатают на дисплее, цепляются за мои плечи и запястья во время старых драк. Да, иногда мне приходилось исподтишка наблюдать за своим врагом, чтобы знать наверняка и просчитывать наперед его ходы. Однако, увы, пока мои старания ни к чему полезному не привели и единственное, в чем я преуспела – мастерски просчитываться на его счет каждый раз.

– Есть ручка запасная? – наконец, спросил он.

– Нет, наверное, – ответила я, и нехотя подняла рюкзак.

Тот факт, что парень по-прежнему оставался на том же месте, безумно раздражал. Злость вперемешку со страхом кипела, заставляла дёргаться. Ну почему я просто не могу на него наорать и выгнать? Стоит мне попытаться сделать это, как звуки застревают в горле, в голове становится пусто и начинается тремор рук и ног. Очень странная реакция, которая не вызывает привыкания, и каждый раз проживается на полную катушку, сопровождаясь тошнотой.

Я так хочу избавиться от страхов!

– Ручки нет, – сказала я негромко, перебрав скудное содержимое потрепанного пенала.

Градов посмотрел сверху вниз, и я поспешила отвести взгляд в сторону. Наткнулась на Дроздова, который с довольной ухмылкой наблюдал за нами.

– Да у неё никогда ничего нет, – бросил Максим, наклеивая белую жвачку с обратной стороны столешницы. – Что с неё взять? Бедная Дощечка. По-любому опять со своей тёткой...

Гадости почти сорвались с его губ, я видела, с какой язвительной улыбкой он подбирает слова, обнажая слишком крупные резцы, и с каким удовольствием хотел вывалить это на меня, поудобнее развалившись на расшатанном скрипучем стуле.

– Заткнись, Дрозд. Я не с тобой говорю, – прервал его Градов, лишь на несколько мгновений установив с ним зрительный контакт.

Максиму не слишком понравилось, что ему не дали озвучить очередную «гениальную» шутку и он, нахмутив широкие брови, замолчал, но продолжил сверлить меня взглядом. На часах, что висели над классной доской с белыми разводами, за которые Альбертовна нас точно отчитает, время ползло неторопливой улиткой. И хоть я терпеть не могла всё, что хоть каким-то боком связано с математикой, я уже в пятый раз задалась вопросом: где же учительница? Почему не идёт долго?

– Ну что, Лена, продолжим? – прозвучал издевательский голос с моей парты. – Плевать на ручку, но ты сказала, что я должен покинуть эту удобную парту с шикарным видом на город. Зачем мне это делать? – спросил уже чуть настойчивее.

Я беспомощно отвернулась, оценив действительно прекрасную картинку за окном. Вот только в одном месте её омрачало расплывчатое отражение светловолосого, с отравленной душой и языком, парня. Иначе я не могла объяснить его любовь к издевательствам, выпытываниям. К каждому из нас у него был особенный подход, для каждого имелся свой рычаг давления, и каждый день, каждый час, любой из одноклассников мог стать очередным объектом для экспериментов господина Градова. Да чтоб он провалился!

– Ты мешаешь мне. Сидишь на моих вещах. Разве это не очевидно? – отыскав среди дикого страха дольку смелости, спросила я, отметив, что почти весь класс продолжает наблюдать.

Только Саша Старостин залип в телефоне и наверняка общался со своей новой подружкой, которая вот-вот, прямо посреди учебного года, должна была перевестись к нам в класс. Это он сообщил на днях, предупреждая всех, но обращаясь в основном к Градову, что она с ним и она неприкосновенна.

– И что с того? Меня это должно интересовать? – с деланным удивлением спросил Дима, ловко цепляя мою ручку двумя пальцами.

– Положи на место, Градов, – тихо проговорила я, поднимая голову и чувствуя, как по телу ползет жар, обжигая уши и щеки. – Это моё личное пространство, не лезь.

Злость и бессилие, адреналин и кортизол – гремучий коктейль в теле, требующий направить всю силу против Градова. Наорать на него, оскорбить, столкнуть с этой дурацкой парты. Высказать всё, что думаю о нём, всё, что накопилось за долгие годы, начиная с самого первого дня в школе, такого давнего, но запомнившегося первого класса. Но я молчу, только дышу быстро и чуть опускаю голову, смотрю исподлобья. Знаю, что многие ненавидят этот мой взгляд. Пусть наслаждается.

– Уже лучше, Лен, но пока недостаточно. Давай, покажи, на что ты способна. Ты же можешь, я знаю, – уже с явной издевкой проговорил Дима, прикусив губу, будто в предвкушении.

Всё пространство класса сузилось до этого человека в кремовой рубашке и черных брюках. Теперь оставались только он и я в моем фокусе. Но как от него избавиться? Иногда мне кажется, что мой страх людей и разговоров возник именно из-за этого придурка. Мне хочется свалить всё на него, но я знаю, что он лишь винтик в механизме, запустившем разрушающий процесс.

– Отстань от меня, Градов. Отстань, слышишь?! – голос прозвучал громче, в костяшках появился зуд и сильное желание ударить этого гада.

– Голос прорезался? – насмешливо спросил он, ещё сильнее развернувшись ко мне, не переставая крутить в пальцах мою ручку. – Дубровина, отвечай. Ты разве не замечаешь положительную тенденцию? Возможно, к выпускному ты даже перестанешь быть мямлей.

Снова. Он снова доводит меня, а я ничего не могу сделать. На фоне слышится чья-то пошлая шутка и гогот. Градов не смеётся, пытливо наблюдает за мной. А мне хочется разреваться и сбежать отсюда. И никогда не возвращаться.

– Градов, позаботься о ком-то другом. Например, о себе, – сказала я, неловко поднимаясь.

Парень тут же встал, отчего стал выше меня на голову или даже больше. Дерзкая ухмылка появилась на бледном лице и ожидание. Вопреки желанию толкнуть его, и будь что будет, я спокойно протянула руку.

– Верни мою ручку.

– Попроси хорошенько.

В гляделки играть у меня не получалось. Я и так потратила все душевные силы, да и физические, похоже, на этот дурацкий разговор. Серые глаза победили мои, голубые. Я смирилась и села на своё место, сделав вид, что Градова не существует.

– Дмитрий, звонок прозвенел пятнадцать минут назад. Почему Вы не на своем месте? – прозвучал вьедливый голос Татьяны Альбертовны, и я, наконец, смогла выдохнуть.

В классе стало так тихо, что надоедливый дребезжащий звук старых люминесцентных ламп показался неприлично громким, когда учительница привычным движением щёлкнула по выключателю, зажигая и вторую половину ламп. Тепло-белый свет соединился с мягким апельсиновым, освежив мятные стены.

– Уже иду, – отозвался Дима без тени былого веселья и добавил уже мне, прижимая ручку к середине столешницы: – Хорошего дня, Лена.

Я поправила плотный воротник бордово-фиолетовой водолазки, которую тетя подарила на Новый год. Пожелание Градова прозвучало угрожающе, и к жару, что прожигало тело, добавился озноб. Вроде бы глупая, простая и типичная ситуация, но я так и не научилась реагировать на такое спокойно. Но зато знаю, что скоро станет лучше и, возможно, к концу урока, я уже не буду думать о персоне Градова и его обещании «сделать из меня человека».

– Напомните, что я задавала на прошлом занятии, – спокойно попросила Татьяна Альбертовна со своего места, пролистывая тетради, лежащие на её столе невысокими стопками.

Мила Крытова, сидящая ближе всех к учительнице, одна из трех отличников нашего класса, подняла руку и, дождавшись одобрительного кивка, отчиталась. Я сидела через парту от неё и Зои Власовой, которая постоянно списывала у подруги. Впрочем, у Милы списывала не только Зоя, но и добрая треть одноклассников, которые быстро смекнули, что с умной девочкой лучше дружить.

– Елена, у вас остались вопросы по домашней работе? – обратилась ко мне учительница.

– Нет, – ответила я быстро, помотав головой.

– Тогда для закрепления решим уравнение. Подготовьте доску, Елена, и записывайте условия.

Мне хотелось сползти под парту, исчезнуть из этого душного помещения, но после секундной заминки и моральной подготовки, пришлось пойти к доске. И почти сразу едва не растянуться на потертом светло-коричневом паркете от подножки Лизы Уховой. Я еле удержалась на ногах, ухватившись за соседнюю парту. Обернулась на одноклассницу, но она даже не смотрела на меня, а улыбалась Диме Градову. Какая прелесть. Я поспешила к доске, чтобы не злить Татьяну Альбертовну, настроение которой менялось очень быстро и неожиданно.

Подножка забылась сразу, стоило мне оказаться у доски. Увы, уверенности во мне не прибавилось и пальцы предательски задрожали. Интересно, учителя хотя бы представляют, какой дискомфорт приходится испытывать некоторым из нас от таких вот публичных выступлений, пусть даже перед своим классом? Хотя, о чём это я. У них свои методы и программы для нас, порой для некоторых очень жестокие, но проверенные временем. И среди этих детей, таких как я, наверное, десятки, а может и вовсе единицы. И это уже только моя проблема, как с этим справляться.

Возможно, это всё во благо, только пока я этого не вижу.

Я взяла пыльную сухую тряпку, которую вчера словно нарочно оставили такой запачканной, промыла её как следует и тщательно протерла доску. Такие действия помогали немного успокоиться и оттянуть момент публичной пытки. Да и я, как обычно, надеялась, что Татьяну Альбертовну куда-нибудь вызовут или ещё что-то произойдет, лишь бы не решать на глазах у всех задачу.

– Дубровина, отрабатываешь навык для будущей профессии? – очень громким шепотом поинтересовался Дроздов и, дождавшись тихих одобрительных смешков, засмеялся сам.

– Максим, хотите провести урок за дверью и получить прогул? – тут же подняла голову от журнала Татьяна Альбертовна.

Я уже закончила и вся красная стояла вполоборота к классу, теперь уже мечтая, чтобы учительница скорее дала задание, лишь бы не поворачиваться к одноклассникам.

– Ну что вы, Татьяна Альбертовна, конечно нет. Просто решил поощрить Дубровину, ведь она прекрасно ориентируется в востребованных профессиях и не теряет зря времени. Молодец, Ленка, – бодро ответил Дроздов, а я чуть не сгорела от стыда, и не знала, куда деть руки, куда деть себя.

Я всегда с уважением относилась к любой, или почти любой профессии, но слова Максима были такими издевательскими, что было сложно оставаться равнодушной. У него точно имелась странная способность: придавать любым словам оттенки оскорблений.

Учительница хотела что-то ответить, но её опередил Градов.

– Помолчи, Дрозд, – произнес он лениво.

Я не видела их лиц сейчас, но видела тысячи раз до этого, поэтому не сложно было представить, как Максим сжал челюсти.

– Помолчите оба, – наконец, произнесла Татьяна Альбертовна. – Елена, записывайте уравнение.

После замечания учительницы никто больше не захотел высказываться, а поэтому остаток урока прошёл спокойно. Я решила уравнение, к счастью, эта тема была мне вполне понятна и получила четвёрку. Не отлично, конечно, ведь решить-то я решила, но решение объяснила сбивчиво, торопливо и тихо, что совсем не понравилось Татьяне Альбертовне, за что она и снизила оценку. А я лишь в очередной раз подумала о том, что было бы славно скорее получить аттестат и забыть об этом месте как о страшном сне.

Глава 2

Урок русского языка прошел спокойно. Ирина Андреевна рассказывала новую тему урока, приводила интересные примеры и в конце дала самостоятельную работу, которую требовалось завершить дома.

– Видела вчера Старостина с его новой девушкой, – заговорила Яна, моя подруга, как только прозвенел звонок на перемену. – Очень красивая. Но если бы я не знала, что она к нам переведется, решила бы, что ей лет девятнадцать.

– А где ты их видела? – спросила я, укладывая учебник в рюкзак.

– В их кафе с мамой заходили, там и встретила. Ухова с ума сойдёт, когда её увидит, – мстительно добавила Яна так, чтобы Лиза точно услышала.

Ухова только закатила глаза и, приняв максимально безразличный вид, вышла из класса в сопровождении подружек.

– Думаю, в соцсетях она давно успела оценить соперницу, – ответила я, и перевела тему. – Рада, что ты пришла сегодня. На алгебре был дурдом.

С утра Яна должна была посетить поликлинику, и не знала наверняка, придёт ли в школу. Точнее, когда мы вчера списывались, она ещё не определилась, хочет ли пойти на уроки или всё же поехать домой и соврать, что поездка к врачам была настолько долгой и выматывающей, что никаких сил на учебу не осталось.

– Я ещё и в парикмахерскую успела заскочить, волосы подравнять, – похвасталась подруга, демонстрируя ровный срез густых каштановых волос по линии плеч.

Не успели мы выйти в коридор, как кто-то сильно влетел мне в плечо.

– Уйди с дороги, Доска, – тут же прозвучал злой голос Дроздова, который быстро прошел мимо.

– Идиот, – крикнула я вслед, потирая ушибленную руку. – Места ему не хватило, видите ли.

– Не обращай внимания, Лен, – махнула рукой Яна.

– Ага, – ответила я, ощущая, как внутри расплывается ядовитое пятно обиды и несправедливости.

Мы пришли в класс английского языка и заняли свободное место в первом ряду на последней парте. Яна отправилась поболтать с девчонками, а я сложила на парте руки и уронила на них голову, устало прикрыла глаза.

А ведь когда-то с Максимом Дроздовым мы были хорошими приятелями. Даже, наверное, друзьями.

В младших классах мы с ним не враждовали. Иногда вместе шли после уроков, пока было по пути, но чаще гоняли в футбол в соседнем дворе. Максим тогда жил неподалеку, и на небольшом поле собиралось много ребят, чтобы поиграть после школы или в выходные. Девчонок в команду тоже брали, и я с радостью бегала со всеми, забывая про стеснение и заботы. Однажды Макс даже приходил ко мне с тётей. Её тогда не было дома до вечера, и мы вместе уплетали пирожное, которое накануне приготовили по рецепту из интернета, и ещё смотрели какой-то полнометражный мульт по телевизору. А потом вместе делали уроки. Потом, правда, Дроздову влетело от родителей, и я тогда не очень поняла, за что. Он несколько дней со мной не говорил, на что-то злился, а потом всё наладилось, словно и не было той заминки. Я лишь потом догадалась, что это было.

В школе мы мало общались, но все было более менее нормально, если не считать того, что Дроздов с Градовым постоянно соперничали за место лидера в классе. Никто этого не говорил вслух, конечно, но со стороны было очевидно. Градов всегда был хитрее, продумывал всё на

несколько шагов вперёд и хорошо прятал эмоции, тогда как Макс был более прямолинеен и очень вспыльчив. И Дима часто выводил Дроздова из себя.

Дружба закончилась резко, тяжело и очень унижительно. У Макса была подруга и другие приятели, с которыми он меня не знакомил, ссылаясь на то, что мне с ними будет скучно. И я почему-то верила в это, хотя в глубине души понимала, что дело вовсе не в скуке. Однажды я, глупая, решила пойти за Максом, чтобы погулять. Тётя была в запое и дома находиться было невыносимо. Я прибежала во двор одноклассника и увидела его с незнакомыми ребятами на детской площадке. Растерялась, хотела уже развернуться и пойти домой, но меня заметили.

Кажется, они собирались куда-то идти все вместе. Класс шестой или седьмой – все уже такие деловые и самостоятельные. И первым на меня обратил внимание не Максим вовсе, а как раз его подруга Маша. Я как-то видела её на одной из фотографий у Дроздова, что он показывал на своем дорогом телефоне.

– Макс, это что, твоя подружка? – с какой-то недоброй улыбкой поинтересовалась эта Маша, кивая на меня.

Беспечное лицо друга изменилось, стало растерянным, уязвимым, так мне тогда показалось. Наивная. Длилось это недолго, и вот на упрямом лице возникла отстраненность, холодность.

– Просто одноклассница, – поправил Макс девушку и обратился ко мне. – Лена, иди домой, завтра в школе поговорим.

Я сразу поняла, что зря пришла, а его это небрежное «одноклассница» резануло по сердцу, заставляя его биться ещё сильнее и надрывнее. Я ведь и правда считала, что мы дружим. У меня кроме него тогда и не было никого, а Яна к нам перевелась только в начале девятого класса. Тем не менее, я кивнула, понимая, что там мне делать нечего. Шагнула назад, но не тут-то было.

– Она же убогая, Макс, – махнула на меня Маша. – Что это за обноски на ней? Надеюсь, ты не приглашал её к себе? Она же вынесет что-нибудь, потом проблем не оберешься. И как тебя только угораздило?

Девушка говорила громко, а остальные ребята с интересом рассматривали меня. Кто-то поддакивал, кто-то молчал или занимался своими делами. Мне было так плохо. Так страшно. Я не могла пошевелиться, так и стояла там, на краю площадки, сквозь шум в ушах слушая гадости.

– Никуда я ее не приглашал. Мы учимся в одном классе. Всё, – раздражённо проговорил Дроздов. – Лена, иди домой. Не стой тут.

Я ощущала себя побитой собакой. Сделала один шаг назад, второй. Я так и не поняла, за что он так со мной. Неужели наше общение ничего для него не стоило?

– Твои родители хоть в курсе, что ты с ней до сих пор общаешься? – всё не унималась эта Маша. – Вот твой отец обрадуется, когда узнает.

Дальше я уже не слушала. Убежала прочь, глотая едкие слёзы.

Несколько дней Дроздов вел себя так, словно меня не существует. А потом началось то, что происходит до сих пор.

Его бесконечные издевательства.

Я не знаю, от чего зависит удача или везение. Но накануне, похоже, я сделала что-то не так, потому что этот день с каждой минутой становился всё кошмарней, и я всерьёз подумывала прогулять последние уроки, лишь бы не задерживаться больше ни секунды в этом месте.

Я вернулась после столовой в класс истории, сытая, довольная и сонная, но мой рюкзак исчез. Посмотрела рядом со своей партой, присела и проверила, нет ли под другими, но и там его не оказалось. Заметила, как весело компании девчонок, что сидели на партах на третьем ряду и что-то обсуждали, поглядывая в мою сторону. Ясно.

– Не видели мой рюкзак? – спросила у Милы и Зои, которые активно обсуждали какую-то серию книг.

Мила покрутила головой, осмотрела класс, закрепила заколкой растрепавшиеся светлорусые длинные волосы.

– Извини, Лена, не видела. А у них, думаю, спрашивать бесполезно, всё равно не признаются, – ответила Мила, кивая на компанию во главе с Лизой.

– Я тоже не видела, – качнула плечами Зоя, доставая из книги красивую широкую закладку с интересным золотисто-зеленым орнаментом.

– Ну ладно, спасибо, – ответила я.

Мила была права, спрашивать у тех, кто спрятал, не имело смысла. Поэтому я заглянула ещё под учительский стол и отправилась на квест.

– Лен, звонок скоро, пойдём в класс, – позвала Яна, когда мы встретились на лестнице.

Мимо пронёсся парень из одиннадцатого, и едва не снёс Яну, зацепив её плечо. Вслед ему посыпались проклятья и ругательства, но прекратились сразу, стоило увидеть в коридоре завуча.

– Скоро приду, – ответила я, не желая втягивать подругу в это. – Если задержусь, скажи, пожалуйста, что я подойду скоро.

Девушка положила ладонь на моё предплечье. Посмотрела с беспокойством.

– Ты бледная что-то. Как ты? Может, проводить тебя к медику?

– Нет-нет, всё в порядке, правда. Хочу в библиотеку зайти, – соврала я, зная, что Яна это место в школе не слишком любит.

Подруга пожала плечами.

– О, тогда я пас.

Подруга ушла, а я продолжила поиски. Открытые классы, женские туалеты, пространство за каждой открытой дверью, раздевалка. Прозвенел звонок на урок, а рюкзак по-прежнему где-то лежал одиноко и ждал меня. Я даже в столовую заглянула, а потом вернулась на опустевший второй этаж. В глазах щипало, а я силилась не разреветься. Идти на урок без учебника, тетради и прочего было бессмысленно. И снова злость и бессилие заполнили тело и мысли противоречиями. Добавилось чувство неминуемой безысходности.

История с рюкзаком повторялась периодически, но не слишком часто. А сегодня, видимо, после показательного выступления Градова на первом уроке, все недоброжелатели получили негласную команду «фас». Вот что значит сила влияния. А мне бы хоть чуточку сил и терпения для противостояния. В идеале, чтоб от меня просто отстали. Я согласна быть невидимкой, стремилась к этому, но меня насильно выдергивают из моего кокона, сталкивают лицом к лицу с ненавистным и сложным, с непонятным и ненужным. Если вся жизнь будет такой, то я не знаю, на сколько меня хватит. Я очень надеюсь, что после школы всё изменится, но ещё понимаю, что от самой себя не сбежишь.

Потерянная, брела по коридору, глядя на свои уже не новые, разношенные черные балетки с бантиками, и подняла голову, лишь когда услышала тихие шаги. Сердце сжалось, в груди оборвалось что-то. Конечно. Я не могла не встретить того, кого видеть хотела меньше всех. Градов. С моим рюкзаком в руке.

– Твоё добро? – спросил он равнодушно, остановившись напротив.

– Спасибо. Где он был? – спросила я, забирая рюкзак и прижимая его к груди, ощущая себя самой настоящей слабачкой.

– В учительской. Пойдём. И так уже опоздали, – сказал Дима, и пошел вперёд.

Я поплелась за ним, стараясь успокоиться и перестать краснеть. Это ужасно – краснеть практически от всего. Краснеть за себя, за неловкость, за глупость и просто за свой страх.

– Тебе нужно научиться стоять за себя. Иначе каждый найдет причину и возможность вытереть об тебя ноги, – заговорил вновь одноклассник, когда мы почти дошли до кабинета.

– А то я не знаю, – сказала я негромко, ощущая вспыхнувшую пожаром злость. – Если бы не ты, не было бы этого. Отстанешь ты, отстанут другие. Но ты же не отстанешь, да?

Градов развернулся. В небольшом закутке мы оказались очень близко друг к другу. Настолько, что я отскочила назад, чтобы не смотреть ему в грудь. На его лицо смотреть тоже не хотелось, но я пересилила себя.

– Думаешь, проблема только во мне? Seriously, Дубровина? – спросил он едко, прищурив глаза.

– Нет, конечно. Но ты задаешь тон и настроение. Издеваешься ты, издеваются другие, так всегда было. Скажи ещё, что не замечал.

Меня уже потряхивало. Так много хотелось сказать ему, высказать, а я подбирала слова, вытягивала почти наугад из той мешанины, что случилась в мыслях. Я потом буду днями-ночами крутить этот разговор, ругая себя за упущенную возможность поставить точку в нескончаемой ненависти. За то, что в очередной раз не смогла заставить этого парня относиться ко мне с уважением или хотя бы просто не портить и без того несладкую жизнь.

– Терпеть не могу слабых, Дубровина. И не могу понять, зачем ты строишь из себя жертву. Хочешь жалости? От меня её не дождешься.

– Да что тебе надо от меня? – я выпустила рюкзак из рук и толкнула Градова в грудь, едва сдерживая злые слёзы.

Он перехватил мои руки, не давая ударить снова или вырваться. Теплые, почти горячие пальцы удерживали мои запястья. И смотрел так странно, что я растерялась. Без раздражения и надменности. Как-то слишком по-человечески. Но вот его руки разжались, на лице проступило презрение.

– Перестань быть тряпкой. Это жутко бесит, – всё-таки выдал он.

Развернулся, и пока я поднимала рюкзак, злая и дезориентированная, преодолел расстояние до класса и открыл дверь. Я поспешила за ним и влетела следом, на ходу извиняясь за опоздание и почти падая на своё место. Кинула учебник на парту и просто закрыла полыхающее лицо руками.

Я вообще перестала соображать что-либо. Вместо внутреннего диалога и криков – пронзительная, жгучая тишина. И лишь одно желание – спрятаться.

Глава 3

От школы до квартиры тети около пятнадцати минут ходьбы быстрым шагом. В теплые дни я почти всегда с радостью преодолеваю это расстояние, наслаждаясь прогулкой, размышляя, мечтая. Но в холод и непогоду даже четверть часа кажется невыносимой вечностью.

Я вышла из школы чуть позже основной массы одноклассников. Дождалась, когда Градов, Дроздов и Ухова покинут здание, как следует закуталась в длинную розовую куртку и широкий абрикосовый шарф. Переобулась в короткие сапоги, которые совсем не спасали от холода заледеневшего города.

Второй день шёл снег. Бело-серо-розовая, в зависимости от освещения и времени суток, тяжелая завеса, закрывала обзор и отдельными острыми коготками царапала лицо. Такую погоду я точно не люблю. Ветрено, морозно, скользко. Издевательство, а не погодные условия. Я до самого носа спряталась в шарф и, глядя себе под ноги, спешила покинуть школьную территорию. Чем дальше от нее, тем спокойнее. Тем меньше шансов, что один из придурков до меня доберется.

В словах Градова была истина. И оттого, что он был прав, раздражал ещё сильнее. Я должна стать сильнее, я это и без него знала. И я пыталась. Каждый день старалась измениться, старалась перестать воспринимать всё так близко к сердцу, так остро реагировать на слова и поступки окружающих. Пыталась мыслить иначе, игнорировать, действовать по-разному в повторяющихся ситуациях. Но, увы, пока особого прогресса достигнуть не получилось, а каждая неудача закапывала мою итак почти отсутствующую уверенность в себе ещё глубже. Я бы многое отдала, чтобы перепрошить сознание и стать другим человеком. Но я – это я, исходные данные не изменить и приходилось работать с тем, что имеется.

Ноги тонули в свежем снегу, дорога почти превратилась в тропинку. Вокруг было столько школьников, что распознать недоброжелателя я не успела. Сильный толчок в бок, и вот я уже падаю в сугроб, напичканный твёрдыми льдинами.

– Не спи, Доска, замёрзнешь, – злобно бросил Дроздов и полетел дальше по дороге, лавируя между старшекласниками.

Вот же гад! Если бы он задержался, я бы его догнала, а так... А так я застряла в снежном завале и, шмыгая носом, пыталась выбраться.

– Ушиблась? – вдруг прозвучал рядом незнакомый мужской голос.

Этот жест меня насторожил, и я мигом выбралась, выпрямилась и принялась отряхивать куртку. Это может быть приятель Дроздова, который толкнет меня снова. А может и не быть. Ладно.

– Нет, спасибо. Всё нормально, – ответила я быстро, старательно отводя взгляд и поворачиваясь в сторону заветной калитки в широких воротах.

Даже успела сделать неловкий шаг, но не тут-то было.

– Меня Ярик зовут. А тебя? Кажется, нам с тобой по пути, – продолжил парень, пристраиваясь рядом.

Пришлось остановиться и, подставив щеки колючим полульдинкам, посмотреть на Ярика, поведение которого казалось мне ну очень подозрительным. Не припомню, чтобы кто-то оказывал мне нормальные, здоровые знаки внимания, а не такие, что поступали от моих одноклассников или знакомых тёти. И это пугало, вызывало недоумение и крохотный огонек надежды, который так жалко было заливать очередной порцией разочарования и обид. Что ж.

Сухие, почти черные, кудрявые волосы торчали из-под капюшона черно-желтой спортивной куртки. Карие глаза смотрели пристально, не пугаясь непогоды. И парень участливо улыбался мне, что совсем противоречило замыленной поблекшей картинке мира в моей голове. Что-то тут не так, но не молчать же.

– Лена, – ответила я и зашагала чуть скорее, неуклюже переставляя ноги и мечтая о расчищенном тротуаре.

Было так холодно, ветер пробирался даже под воротник и блуждал по спине. Руки в перчатках, спрятанные в карман, пока не слишком беспокоили ознобом, но я знала, что это ненадолго. Нужно спешить домой. Если опять разболеюсь, придется потратить весенние каникулы на дополнительные занятия в школе, а не на сон и отдых.

– Пойдем вместе, – без вопроса произнес парень, распахивая передо мной заветную дверь голой рукой. – Тебе нравится зима?

– Шутишь? – в тон ему ответила я, оглянувшись.

Парень поправил рюкзак, сунул руки в широкую безразмерную куртку. Его белые с кислотными зелеными вставками кроссовки утопали в снежном месиве. Снег наверняка обжигал холодом оголенную кожу под зауженными к низу спортивными брюками, но Яру, похоже, было всё равно.

– Нет. По-моему, классное время, столько развлечений разных. Или ты заядлый домосед?

Нервное напряжение потихоньку отступало, и я с интересом, тайком, поглядывала на парня. Одевался он стильно и необычно. Броско, ярко, красиво. Рядом с ним я выглядела невнятным светлым пятном.

– Вроде того, – ответила я. – Учеба, дом. Мой максимум – обычные прогулки, когда позволяет погода.

– И библиотека, – добавил Яр, отчего я споткнулась, но он придержал меня за локоть и тут же добавил. – Там моя бабушка работает, я иногда прихожу к ней, чтобы проводить домой.

Я остановилась и повернулась к парню. Ещё раз осмотрела его с головы до ног. Такого невозможно не заметить. Хотя, с моей привычкой смотреть себе только под ноги... Да я кроме одноклассников вообще никого не вижу. И то, обращаю на многих из них внимание лишь потому, что всегда жду очередную подлянку. Яна, Мила и Зоя, конечно, не в счёт.

– Вот это да. Странно, что я раньше тебя не видела. Ты такой...

– Какой? – сразу подхватил Яр, выгнув широкую бровь.

– Эм... Ну, заметный, – растерялась я, привычно краснея.

Парень засмеялся, и я заметила брекеты на верхних зубах. Вот бывают же люди! Кому-то эти железки совершенно не идут, а ему, кажется, придают дополнительный шарм и совсем не портят образ.

– Ты всегда так сосредоточена на своих делах, что ничего не замечаешь. Я как-то пытался с тобой заговорить, но ты была в наушниках, с книгой в руках. Я больше не пытался.

Мои глаза округлились. Это вполне в моём духе – выпасть из жизни, погрузившись в хорошую историю.

– Прости! Книги и музыка – моя страсть. Говорят, слова ничего не значат, но некоторые владеют ими так, что на раз-два выдергивают из реальности и переносят в историю, будь то хоть песня, хоть роман.

– О, как я тебя понимаю, – хмыкнул Яр, и мы уже спокойным шагом отправились в сторону моего дома. – Пока был мелким, вечно сидел за книгами, а потом увлекся паркурком, танцами, спортом. В общем, подзабросил это дело. Реальность стала куда интереснее выдуманных миров.

– Это здорово, – искренне ответила я. – Кстати, кажется, я всё же видела тебя в школе. Правда, издали. Это не ты проделывал крутые трюки на турниках?

– Может, и я, – улыбнулся Яр, но тут же стал серьёзным. – Слушай, а тот парень, что толкнул тебя. Что ему от тебя надо?

Настроение кубарем покатило в пропасть, но я быстро среагировала и не позволила ему упасть.

– Просто одноклассник, ничего такого, – ответила я, но заметив хмурый взгляд, быстро добавила: – Всё нормально! Мы всё время так друг с другом, и я бы догнала его и дала сдачи, но настроения нет сегодня.

Я перевела взгляд на свои сапоги и ускорила шаг. Да ни на секунду он мне не поверил. Но зачем ему знать? Хочет обезопасить себя? Или же присоединиться к бешеной компании моих недоброжелателей?

– Лена, если он тебя достает, скажи мне, ладно? Я с ним поговорю.

– Зачем? – спросила я, ещё быстрее перебирая ногами.

Разговор стал неудобным, я ощущала себя очень уязвимой. И чего он привязался? В этой жизни никто просто так ничего не делает. У всего есть цена, зачастую для меня совершенно неподъемная.

Яр не отставал, шел со мной рядом, сверлил взглядом – я чувствовала.

– Чтобы больше не лез. Терпеть не могу, когда кого-то донимают. Или тебя это устраивает?

Я повернулась, чуть замедлившись. Нахмурилась. Никто вот так просто не вызывался помочь мне.

– Где подвох?

– Без подвоха. Ну, сама посуди, кому приятно видеть, как тоненькую, да любую, девчонку, пихают на лёд? Ни одному нормальному человеку, – ответил Яр так искренне, убедительно, что я начала успокаиваться.

– Давай не будем об этом, хорошо? Я сама разберусь, там ничего серьезного, – попросила я, не желая никого втягивать в мои вечные проблемы.

Яр вздохнул.

– Ладно. Только давай подписками обменяемся, и если что-то понадобится, пиши мне.

Я качнула плечами. Обменяюсь, конечно, это легко. Ведь можно просто потом не писать ничего. Тем более что я онлайн почти не бываю. Поэтому я спокойно взяла протянутый телефон и нашла себя в одной из социальных сетей, кинула заявку со страницы Ярослава.

Не верю я в такую спонтанную доброту. Может, зря, но кто знает.

– Договорились, Яр. И спасибо тебе.

Мы дошли до одного из перекрестков и остановились у мигающего зелёным светофора.

– Дальше нам в разные стороны, – заметил парень, и я оглянулась по сторонам, нехотя вытаскивая лицо из шарфа. – Я провожу тебя?

– Не нужно, – быстро ответила я. – Сейчас светло, я нормально доберусь.

Я не хотела, чтоб кто-то знал мой адрес. Хватало того, что Дроздов знал.

– Как знаешь. В пятницу придёшь в библиотеку?

Мне было неловко перед Яром за резкие ответы и отказы, за свою подозрительность. Вдруг он, и правда, говорит искренне? С трудом в это верилось, конечно, но и обижать парня не хотелось. Хотя, возможно, после этой короткой прогулки он и знать меня не захочет. Но его добрая улыбка, что ещё сильнее красила и без того симпатичное лицо, топила глыбу недоверия.

– Приду, – ответила я и махнула рукой. – До встречи.

Яр махнул в ответ, придерживая ляжку рюкзака.

– До встречи.

Я развернулась и продолжила путь.

Такой парень и в библиотеке. Ну надо же! Ещё и бабушку свою домой провожает. Звучит настолько же хорошо, насколько и неправдоподобно. И чем ближе к дому я подходила, тем сильнее сомневалась в словах парня. Надо будет в пятницу пораньше прийти в библиотеку и попытаться всё разузнать. Если соврал – бежать домой сразу и ни в коем случае не засиживаться до закрытия.

Уже у дома я осмотрелась, мечтая, чтоб никого из соседей на улице не оказалось. И мне повезло. Прощмыгнула к подъезду, приложила ключ от домофона, уже слыша из приоткрытого страшного окна на первом этаже громкие голоса. Белая краска давно облезла местами, а от постоянного курения и пыли её остатки сделались серо-желтыми. Надо бы ободрать всю, покрыть свежей, если тётя разрешит. Главное, подгадать нужный момент для разговора об этом. И нужное настроение.

Сердце в миллионный раз разбилось вдребезги, когда осторожно толкнула незапертую дверь квартиры и оказалась в задымленном коридоре. Сколько ещё раз оно сумеет соединить свои кусочки воедино, рассчитывая на что-то хорошее? Зачем обманывается, глупое? Ничего же не изменится.

Скинула сапоги, сунула ноги в тапочки и поспешила в свою комнату, надеясь, что сегодня там не так холодно.

– Лена, – раздалось из кухни мне вслед.

– Сейчас, – ответила я, быстро забежав в комнату.

Положила рюкзак, повесила куртку, чтобы не успели пропитаться отвратительными запахами, и накинула толстую кофту. И для тепла, и от лишних глаз.

Тетя ждала меня в другой комнате, через стенку от кухни. Я мельком взглянула на пьяных гостей. Кивнула двум женщинам, что заметили меня. Знакомые всё лица, это хорошо. От этих никакой опасности, максимум, могут поругаться, но в общем нормально. Хуже, когда появляются незнакомцы. Никогда не знаешь, чего от них ждать.

Я подошла к тёте, уже предполагая, что ей понадобится. Смотреть в её почти пустые глаза не могла.

– Леночка, как дела? – начала она ласково, а мне стало только хуже.

Я знала эти интонации. Увы, со временем все грани в опьяненном мозге постепенно стирались, и чем дальше, тем сильнее и хуже были манипуляции. Полное разрушение.

– Нормально, – ответила я, обнимая себя руками, в ожидании неизбежного.

Тетя шагнула ко мне, и я отчетливо ощутила запах спиртного. Скорее бы кончилась эта неделя. Ещё немного, и она выйдет на работу и станет спокойно. Только бы дотерпеть. Только бы никто не наделал глупостей, не совершил непоправимого.

– Лен, продукты кончились. Хлеб надо, молоко. Мясо какое-нибудь...

– Я куплю, – быстро ответила я. Зачем-то.

Женщина хмыкнула. Я мельком взглянула на неё, на стеклянные светло-голубые глаза, в которых сейчас была только жажда продолжить веселье, на растрепавшиеся короткие осветленные волосы. Кожа посерела, уже отчётливо проступили морщины, лицо опухло, а брюки и строгая рубашка смотрелись как с чужого плеча и совершенно не вписывались в эту картину. Я перевела взгляд на цветастый ковёр, что до сих пор висел на стене, прямо как в старых фильмах.

– Я сама схожу. Давай деньги, Лен. Поесть куплю, пельмени сварим. Ты же голодная?

Страшно голодная. Кажется, голод уже довольно давно стал моим неотъемлемым спутником. Раньше это не так ощущалось, а потом я начала быстро расти и есть хотелось постоянно. Сейчас рост уже вроде закончился, но чувство голода было частым. Притуплялось только после обеда в столовой, или когда тетя на время становилась собой. Точнее, той частью себя, которая ещё сохранилась.

– Не надо, Надя. У нас осталось только на коммуналку. Если сейчас потратим, то нечем будет платить. Опять долг накопится, – проговорила я обречённо.

После зарплаты часть денег она отдавала мне на хранение. Но как только вторая, большая часть заканчивалась, начиналось вот это. Вытягивание. Я могла бы раньше заплатить за коммунальные услуги, но квитанции ещё не поступили. А ещё я боялась, что мы, и правда,

останемся совсем без еды и даже без минимального запаса средств, как это уже случилось. И это было очень страшно.

– Ленка, не начинай. Давай сюда, я схожу и сдачу тебе отдам. Тебе куплю что-нибудь. Что ты хочешь?

Я прикрыла глаза, воздержалась от глубокого вдоха.

– Надя, не надо. Ты же откладывать хотела. Ремонт нужен, одежда, и тебе и мне. Ложись лучше спать. Болеть же будешь потом долго, может, хватит пока?

Тётя пошатнулась, сделала несколько шагов, сама села на диван и уставилась на свои дрожащие руки. Я машинально поправила сползшее на пол покрывало.

– Ленка. Ты опять? Тебе напомнить, чьи это деньги и в чьем ты доме? – спросила она, сцепив пальцы.

Чёрт. Похоже те, кто на кухне, пришли навеселе, но тётё явно не до веселья – нужно выпить, иначе начнётся похмелье, и уже не такое, как было вначале. Теперь она могла отходить от пьяных загулов по неделе, страдая и мучаясь. Но пока она точно не планировала завершать, оттягивая неизбежный момент.

– Я помню, – сказала я твердо. – Но не хочу, чтобы ты потом жалела. Ложись спать, Надя. Я дома буду, помогу, если что.

– Я жалею, что тебя забрала, поняла? – вдруг заорала Надя. – Отдай деньги и иди в свою комнату, пока в интернате на оказалась, – психанула тетя, вскочила на ноги и застыла рядом со мной.

Я отшатнулась. Спорить бесполезно, как и доказывать то, что часть денег она всё же должна тратить на меня, ведь государство даёт ей их на моё содержание. Последние три месяца я почти ничего и не видела. Тетради кончались, ботинки почти износились, сменка тоже. Но чеки регулярно предъявлялись для отчетности – на её работе их было не трудно получить.

– Что стоишь? Ленка, не доводи меня, дрянь! – снова вспылила Надя.

Лицо исказилось, сделалось страшным, нечеловеческим. Я бросилась в свою комнату, достала из заначки банкноту, жалея, что не разменяла её. Зарплату тётя получала наличкой, а не на карту. Глаза щипало и я часто моргала, не желая плакать. В груди жгло.

Отдала деньги, отметив невероятное облегчение в лице Нади, и быстро вернулась в свою комнату. Спорить и ругаться сил не было – всё равно же она выиграет.

Безразличие по каплям растворяло трясину злости, страха и обиды. Я умылась, сдвинула кровать к двери, чтоб никто не смог открыть. Переоделась, укуталась в плед и рухнула на жесткий матрас. Ещё полтора года. Ещё чуть-чуть.

Наушники. Заряженный плеер. Громкость почти на полную и музыка исполнителя, который так зацепил вчера. Нашла все его аудиозаписи и включила по порядку, растворяясь в музыке.

«Коснуться рассвета»* – так называлась группа. (название вымышлено)

Глава 4

Я хотела бы проспать до утра, но нужно было сделать уроки, принять душ и что-нибудь поесть. Я убрала наушники сразу, как только заметила в паузе между треками тишину. Удалось подремать минут сорок под завывания ветра и тихий стук снега, который больше походил на град, об оконное стекло. Когда открыла глаза, смотрела на потолок и стены своей комнаты. Темнело рано, и тени уже начали свой танец. Фонари отражались в снеге, придавая всему розовые оттенки.

Вставать не хотелось. Просто не было сил делать что-то, зато сами собой в голове прокручивались картинки прошедшего дня, вызывая разные реакции, в большинстве своём негативные. Особенно когда перед глазами возникал образ Градова и его слова о моём притворстве. Хах, лучше бы это было действительно притворство, а не мои слабости и страхи, против которых я до сих пор не сумела найти средство.

Яр. Пожалуй, это единственный, кроме Яны, кто пока не раздражал, а вызывал интерес, пусть и вперемешку с разными подозрениями. До пятницы ещё оставалось время, чтобы морально подготовиться ко всему. И я надеялась, что ничего плохого не случится. А что, если я встречу его в школе? Заговорит ли он со мной?

Я взяла телефон в руки, радуясь, что он не кнопочный, и вполне нормально работает. Подтормаживает, конечно, но в целом лучше, чем ничего. Зашла в социальную сеть и приняла заявку от Яра в друзья. Он был не в сети. На его странице оказалось много фотографий с выступлений, соревнований. Турники, танцевальные площадки. Всё красиво, стильно, в ногу со временем. И очень много друзей, подписчиков. Надо же, какой он. И как только меня заметил?

Кажется, буря стихла, и стало значительно теплее, что очень радовало. Я потихоньку выбралась из кровати и отправилась на кухню. В квартире, кроме меня, никого не оказалось. Налила воду в чайник, включила его и начала уже прибираться, как услышала звуковой сигнал. Кто-то написал в мессенджер.

Яна: «Лен, можешь сегодня принести книгу? Мне её вернуть надо.»

Как же я могла забыть! Мы же договорились днём, что я занесу. Ещё не ночь, конечно, но эта забывчивость... Надо оставлять заметки. Подруга специально для меня одолжила у знакомого книгу из лимитированного издания популярной серии приключенческого фэнтези, которую тому удалось достать. И это при том, что Янка такое вообще не читает. Просто сделала это для меня.

Я быстро выпила горячий сладкий чай и съела бутерброд с сыром. Повезло. Как вернуться, нужно будет что-нибудь приготовить.

Оделась как можно теплее, положила книгу в рюкзак, заперла дверь и выскочила в морозный вечер. Идти предстояло минут сорок в одну сторону, прямой транспорт до неё не ходил, а тратить деньги, которые уже пошли в минус, на пересадки... В общем, лучше пешком.

Ветер, и правда, стал тише, резкие порывы сменились более мягкими, а небо оставалось в тяжелых розово-черных тучах, но уже перестало закидывать людей маленькими стрелами. Температура теперь была вполне терпимой, и даже сапоги с надписью на ценнике «еврозима» вполне могли обеспечить тепло на протяжении пути. Хотя бы в одну сторону.

В дороге рождались мысли, строчки, фразы, вопросы и ответы. И всё так складно и ладно звучало во внутренних диалогах, что хоть бери и записывай всё, что непрерывным потоком осмысливается и придумывается. Настроение как-то улучшилось, эндорфины от ходьбы начали своё дело, выдернули из болота самобичевания и обид. Стало легче дышать, и жизнь уже не казалась такой беспросветной.

Плеер оставила дома, опасаясь, что заслушавшись, могу попасть в неприятности. В вечернее время лучше быть начеку. Мало ли, кого носит на улице и что может взбрести кому в большую голову. А так хотя бы можно заранее услышать шаги, дыхание, да слова, и вовремя что-нибудь предпринять.

Благополучно миновала школу, поликлинику, прошла мимо небольшого музея и, наконец, дошла до огороженного двора, где ютились высокие цветные новостройки вокруг просторной детской площадки. Набрала номер квартиры, ткнув квадратные кнопки на домофоне, и после небольшого ожидания Яна ответила и открыла дверь. Дальше проделала то же и с домофоном у подъезда. Поднялась на девятый этаж, радуясь теплу, и даже прикрыла глаза в лифте, ощущая, как согревается лицо.

– Привет! Спасибо тебе большое, – воскликнула Яна, как только распахнула дверь. – Кир потребовал вернуть скорее, у него уже целая очередь на эту книгу образовалась.

Я кивнула, подмечая, как красиво подруга накрашена и как аккуратно уложены волосы. И теплое облегающее платье так хорошо подчеркивает фигуру. И глаза так блестят. Кажется, раньше я этого и не замечала толком, хотя с Яной мы дружим с девятого класса, с того самого момента, как она перевелась к нам в класс.

– Тебе спасибо. У тебя что, свидание? – удивилась я, понимая, что ни о чём таком одноклассница мне не рассказывала.

Янка слегка покраснела, или это так свет лёг, улыбнулась. Придержала дверь ногой, пока приглаживала и без того идеальные каштановые пряди.

– Ну что ты, какое свидание, – засмеялась девушка. – Маму жду просто, должна приехать с минуты на минуту. Решили с ней вдвоем в кино сходить, там премьеры, продолжение крутой мелодрамы. Я её выхода два года ждала!

– Хорошо вам сходить, – ответила я. – Тогда не буду отвлекать.

Мы попрощались, и я уже почти дошла до лифта, когда Яна окликнула меня.

– Лен, погоди. Вот, чуть не забыла! – сказала она, подбегая и протягивая небольшой пакет. – Мама просила передать тебе.

Я покраснела, понимая, что именно лежит в пакете. Принимать было стыдно, но и отказываться как-то неловко.

– Спасибо, – отозвалась я, замерев в нерешительности, как это уже бывало прежде.

– Не волнуйся, всё нормально. Ты же знаешь, сестра не отсюда, а я никому не расскажу. Бери.

– Спасибо, – повторила я, принимая пакет с вещами, которые принадлежали двоюродной сестре Яны, и которые она перестала носить.

На прощание мы быстро обнялись, и я юркнула в подъехавшую кабинку. Положила пакет в рюкзак, по-прежнему ощущая сильный жар на щеках и шее. Брать вещи всегда было неловко. Даже зная, что девушка, которая их отдаёт, в жизни меня не увидит.

Я быстро шагала по почти безлюдным темным улицам домой. Хотелось скорее снова очутиться в тепле, и ещё нужно столько дел переделать. И лечь пораньше, конечно, иначе снова полдня буду клевать носом. И я почти дошла до поликлиники, которая находилась на середине пути, во дворах, как вдруг откуда-то из-за кустов выскочил высокий мужчина и направился прямо ко мне.

– Эй, постой! – крикнул он громко, рассерженно, широкими шагами сокращая расстояние. – Эй! Танька, стой, кому говорю! – орал он, приняв меня, похоже, за кого-то другого, щедро разбавляя речь матом.

Мужчина был пьяным, но ещё довольно твердо стоял на ногах. Я испугалась, бросилась в сторону, плохо понимая, где тут можно спрятаться. До поликлиники не добежать, не успею, но, кажется, позади остался небольшой магазинчик на первом этаже жилого дома. Сердце гро-

хотало, когда я развернулась и бросилась прочь. Неважно, обознался он или просто словил галлюцинации. Если догонит – ничего хорошего ждать не стоит. Уж я знаю.

Вслед посыпались угрозы. Мужчина оказался очень быстрым и резвым. Схватил сзади за рюкзак, и я едва не упала, но рука почти сразу исчезла, а мат стал громче и забористей. К нему добавился второй голос. Очень злой и до боли знакомый.

Я удержала равновесие и оглянулась. Неадекватный мужчина поднимался из снега, ругаясь, а Градов крепко схватил меня за руку и потянул за собой. Но я замешкалась, растерялась на мгновение, не понимая, куда он меня тянет. Мне же в другую сторону.

– Дубровина, ты же спортсменка, шевелись, – возмутился он. – Там у подъезда его друзья, их человек пять. Прости, зая, но мне их не потянуть, – бросил он, потянул снова, и я помчалась с ним, в ужасе оглядываясь назад.

Нам вслед орали такое, чего я даже дома не слышала никогда. Самое приличное из всего было: догоню, оторву, убью и недоноси. В боку очень скоро начало колоть, холодный воздух обжигал легкие, но я не останавливалась, бежала за Димой, чуть позади, но не разжимая руки. Он пару раз оглянулся, выругался, и начал петлять по дворам. Только бы не догнали! И откуда только такие психи нашлись. Хотя, кого только не встретишь вечерами на улице.

Я не слишком понимала, где мы оказались. Кажется, до моего дома, как и до дома подруги, теперь было одинаково далеко. У Градова несколько раз из кармана играла мелодия звонка, но он сбрасывал. У меня уже в глазах начали мелькать черные мушки, когда мы, наконец, остановились.

Глава 5

Никогда раньше я не была рада Диме Градову так, как сейчас. Да что там, я вообще никогда не радовалась его присутствию и всегда надеялась, что он пропустит школу. И вот теперь он вытащил меня из этого кошмара. Страшно представить, что случилось бы, не окажись он рядом. Мог ведь просто пройти мимо, обойти нас. Но он поступил иначе.

Я пыталась надыхаться, но мушки перед глазами были настойчивы и не исчезали, воздуха не хватало. И шум в ушах добавился, и тело стало каким-то ватным. Руками упёрлась в колени и прикрыла глаза. Кажется, Дима мне говорил что-то, но я едва стояла на ногах и почти не слышала его. Постаралась сосредоточиться на своём состоянии, дышать глубже, медленнее.

– Эй, эй, ты чего? – услышала взволнованный голос Градова у самого лица. – Тошнит? Плохо тебе? Скорую вызвать?

Я подняла руку и показала указательный палец, надеясь, что он поймёт, что мне нужно ещё немного времени. У меня и раньше бывало подобное после сильного стресса, волнения. Даже у доски было однажды и на линейке. Но там-то я хотя бы ни от кого не убегала, а тут к обычной моей реакции на стресс добавилась ещё нехватка кислорода и неожиданная нагрузка. И ещё много факторов. Но, самое главное, что мне становилось лучше. Вот уже и слух полностью вернулся, зрение почти восстановилось, и дышать стало легче.

На улице было так тихо. Только Градов рядом озадаченно топтался, и где-то неподалеку монотонно шумели машины. Я потихоньку выпрямилась, попыталась осмотреться, но место не узнавала.

– Прости, – сказала я, заметив, каким взволнованным выглядел одноклассник, и с огромной благодарностью добавила: – Спасибо... Дима.

Его лицо на мгновение вытянулось, словно он удивился чему-то. Но через секунду стало спокойным, почти безразличным, как и всегда.

– Ты как? – спросил парень, рассматривая меня. – Что с тобой?

Я поправила рюкзак, ещё раз осмотрелась.

– Перенервничала. И бегаю редко, только на физкультуре. А где мы? Я не очень тут ориентируюсь.

– Рядом с Северным кинотеатром, – ответил Градов. – Ты, Дубровина, новости совсем не читаешь? Или хотя бы о чем в школе говорят, не слышала?

Я различила в его голосе привычное превосходство-презрение. Чего там было больше, я не понимала. Но одно было неотделимо от другого. Ещё, кажется, присутствовала шепотка насмешки и капелька раздражения, но это вполне могла оказаться и моя бурная фантазия.

– А что я должна была услышать? – спросила я, нервно улыбнувшись.

А это ещё одна моя крайность. Защитная реакция. То хмурое лицо и взгляд исподлобья, то напряжённая улыбка, которая появлялась сама и не желала стираться.

– Дубровина, ты не перестаешь меня удивлять. Тебе совсем не хочется школу закончить, поступить куда-то, уехать?

Я продолжала улыбаться, непонимающим взглядом скользя по лицу Градова. Напряжённо, до боли в щеках. Вся эта ситуация: поздний вечер, мой враг рядом со мной, моё спасение и очередная порция его подколов и упрёков... Моя нервная система не справлялась с этим потоком.

– О чём ты? Конечно, я думаю об этом, – проговорила я, чувствуя себя последней дурочкой.

Градов перенёс вес на другую ногу, поправил широкую лямку спортивного рюкзака и, не сводя с меня глаз, сказал:

– Не похоже. Мне кажется, тебе вообще на всё наплевать, кроме твоих книжек. Вся школа обсуждает видеозаписи, которые попали в сеть. Кучка отморожков, недалеко от школы, отлавливает школьников, студентов, которые, по их мнению, выглядят не так, как надо, и издеваются. Не дают пройти, толкают, говорят мерзости, унижают, снимают это и выкладывают анонимно.

– Кошмар. Неужели никто этим не занимается? – удивилась я.

– Занимаются, конечно. Скоро поймают, но пока лучше здесь не ходить одной, тем более, вечерами. Не понимаю, как ты умудрилась пропустить это мимо ушей, – раздражённо проговорил Градов, закатывая глаза.

– Знаешь, мои школьные будни не сильно отличаются от того, что делают эти придурки с ребятами. Разве что, вы видео не снимаете, хотя, может, я их просто не видела. Так что за попытками не слышать гадости, я могла и пропустить важные новости, – разозлилась я, отступила на шаг и быстро добавила: – Мне пора, спасибо, что помог.

Хотела уже пойти в сторону кинотеатра, чтобы от него дойти до дома по большой, хорошо освещенной и людной улице, но Дима встал передо мной.

– Лена, стоп. Да что с тобой? Опять хочешь проблем? Куда тебя всё несёт?

– Навстречу неприятностям, – сказала, сощуриив глаза. – Что тебе от меня нужно? Ты помог, спасибо, а теперь я пойду. Или что, по-твоему, я должна сделать?

– Ты сама магнит для неприятностей. Пойдём, я провожу, а то опять на кого-нибудь нарвешься.

– С ума сошел? – испугалась я, сделав ещё шаг назад. – Не надо этого.

– Слушай, Дубровина, успокойся уже. Не хочешь идти, давай такси закажу тебе. Поедешь?

– Нет, конечно, лучше просто пойдём, – быстро проговорила я, представив, что буду ещё должна Градову. – Но идти далеко, если что. – сказала я и отправилась, наконец, к кинотеатру.

Одноклассник шагал рядом, а я считала шаги, лишь бы успокоиться. Перспектива находиться ещё минут двадцать-тридцать рядом с Градовым – страшно нервировала. Но это всё же лучше, чем вляпаться ещё в какую-нибудь историю. Мне вообще везло на странные, опасные ситуации. Словно меня бесконечно проверяли на прочность, давали возможность измениться, стать сильнее, но я оставалась слабой. А может, вовсе не для силы это было, а напротив, чтоб уже избавиться от меня. Не знаю. Но от этих испытаний я порядком устала.

– Кофе хочешь? Или чай? – спросил вдруг Градов, когда мы проходили мимо мини-киоска с кофе, из которого ну очень вкусно пахло.

– Нет, – ответила я твёрдо и уже хотела пойти дальше, но Дима окликнул меня.

– Тогда подожди немного, я чай возьму, – сказал он, приветливо улыбнулся девушке-кассиру и заказал какой-то навороченный чай, о котором я раньше и не слышала. – Тут и какао есть, хочешь?

– Я не взяла с собой деньги, – призналась я, ощущая, как жар от стыда заливает тело.

– Да блин, Дубровина, я угощаю. Ты почему такая сложная? Холодно же, а нам идти ещё и идти. Решай, что будешь.

– С чего вдруг такая благотворительность? – огрызнулась я, зная, что девушка-кассир бросает на меня взгляды.

– Так что тебе взять? – спросил Градов, словно и не слышал моего вопроса. – Может, я, как и ты, стесняюсь есть в присутствии других. А если и ты возьмешь что-нибудь, мне будет спокойно, – насмешливо добавил он.

Девушка, что суетилась за окошком, засмеялась, но тут же прикрыла рот рукой. Я сдалась.

– Обычное какао, – сказала я и уставилась на носки своих сапожек.

Градов топтался рядом, ожидая заказ. С кем-то переписывался, слушал голосовые, прикладывая телефон к уху. Потом и сам записал голосовое, сообщив кому-то, что на сегодня изменились планы и что на завтра всё в силе. Когда он закончил, я попыталась снова.

– Дим...

– Даже не начинай, Дубровина. Держи.

Он протянул мне высокий бумажный стаканчик, взял свой и мы вместе пошли по большому проспекту. Напиток оказался таким вкусным, что я почти не заметила, какой он горячий.

– Спасибо. Дима, я всё не пойму, как так случилось, что ты оказался там и помог мне?

Градов фыркнул.

– Ты чем-то недовольна? – спросил он, а в серых глазах опять плескалась насмешка.

– Нет, просто удивилась.

Какао согревало и прекрасно контрастировало с холодным воздухом. Стало так тепло и хорошо внутри. Ещё бы унять ускорившееся сердце, и стало бы совсем идеально.

– Играли в волейбол в школе, – сказал он и кивнул головой на рюкзак, в котором, видимо, была спортивная форма. – Потом с Саней и парнями из другой школы задержались немного. А ты что тут делала?

– Книгу относил, – ответила я, радуясь, что ребята задержались у школы и мы с Градовым оказались в одном месте в одно время.

Одноклассник покачал головой. Я пожалела, что упомянула то, что ему почему-то не нравилось.

– У тебя кроме книг есть интересы? Или ты только ими и живёшь? Как не посмотрю, ты всё либо читаешь, либо в мечтах своих летаешь, – его голос опять звучал раздражённо.

Совсем не хотела перед ним оправдываться, но то, что он так думал, мне совсем не понравилось.

– Я люблю читать и на самом деле иногда спасаюсь выдуманными историями. Иногда и не выдуманными. Но кроме этого, если честно, я немного рисую, – призналась я и жутко смутилась и поскорее добавила: – Но я сама учусь, по видеоурокам, поэтому пока не очень хорошо получается, – мой голос становился тише, слова путались. Рассказывать кому-то о себе, да ещё так много сразу... И Градов шёл с каменным лицом, и я никак не могла понять, что он там себе думает, но всё же продолжила. – Ещё психологию изучаю, немного, но её совсем недавно начала. То есть, я хотела сказать, что мне интересно многое, но не всему удаётся уделять достаточно внимания... В общем, не важно.

– Что случилось? Почему ты замаялась? – удивился Дима и даже опустил стаканчик, который почти поднёс ко рту.

Если бы я только могла это объяснить... Да и откровенничать с Градовым, вообще-то, в мои планы не входило. Вот только у него так ловко получалось вывести меня на разговор, на эмоции. Ладно. Не думаю, что он станет распускать слухи о такой ерунде.

– Ничего не случилось. Просто не привыкла говорить о себе. Вот и вся причина. Я обычно слушаю, а не говорю, – проговорила быстро и поспешила перевести внимание с себя на него: – Так а ты чем занимаешься? Кроме школы и волейбола?

– Занимаюсь с репетитором английским. Бегаю. Ходил в музыкальную школу, борьбой занимался и ещё по мелочи разное, – перечислял он без интереса, думая точно о чём-то другом, и у меня закралось подозрение, что так просто он от меня не отстанет. – И всё равно я не понимаю. Что тебе мешает говорить свободно? Я знаю, что ты сама можешь заставить всех молчать в школе. Так почему не сделаешь этого?

Я допила какао и отправила стаканчик в урну. До дома оставалось уже не так много, только бы продержаться.

– Дима, я не знаю, что ты себе придумал, какую картинку в голове нарисовал, но всё не так, как тебе кажется. Мы с тобой очень разные и живём почти в разных мирах. И если бы было всё так просто...

Я закусила губы на секунду, не нашла подходящих слов, разочарованно выдохнула. Градов смотрел внимательно, без издёвки, но от этого не было легче. Бессилие и тяжесть действительности, о которых я ненадолго забыла, вернулись с новой силой, легли каменной плитой на плечи.

– ... тебе не понять этого, – закончила я и отвернулась, ощутив на глазах слёзы.

Дальше мы шли молча. Я разглядывала дома, мигающие разноцветные гирлянды на вывесках, свисающие огоньки на магазинах, деревьях. Как бы я не спешила расстаться с Градовым, домой возвращаться не слишком хотелось. Оставалось лишь надеяться, что там хотя бы тихо. А ведь ещё нужно сделать уроки. Приготовить поесть, опять же, если кухня не будет занята.

– Лена, мне, похоже, и правда, не понять тебя. Возможно, ты сама себе придумала, создала этот образ. Возможно, тебе в нем хорошо и комфортно, хотя ты сама себе в этом не можешь признаться, – заговорил Градов, и я чуть не споткнулась, совершенно опешив от его слов. – Черт, Дубровина, да ты же красивая, учишься нормально. Зачем тебе этот дурацкий образ?

Дима мне всегда казался чрезвычайно умным и наблюдательным, правда, к тому же, ещё и жестоким и раздражающим, но сейчас я поняла, что слишком переоценила его интеллект. Жесть. Он что, правда ничего не понимает? Или в его мире всё настолько идеально? Ах да, не удивлюсь, если это у него такая новая форма издевательств.

– Ты это сейчас серьезно? – спросила я тихо, внимательно рассматривая честные глаза.

– Да. Конечно, тебе мои слова могут показаться странными, но ты подумай над этим.

И это стало последней каплей.

– Ты меня не знаешь, Градов. Понятно? Не знаешь! И не лезь в мою жизнь, никогда не лезь. Оставь меня в покое! – сдерживая слезы, выпалила я, и побежала к дому.

Оставалось совсем чуть-чуть. Только обогнуть здание и увижу подъезд. Но не успела я завернуть за угол, как услышала неладное.

Голоса. Пьяные, опасные, громкие и совершенно без фильтров. Я увидела спорящих прямо возле моего подъезда. Если бы не оставила Градова позади, переждала бы, пока уйдут. Подбежав ближе, поняла, что тётя тоже там. Только бы надоедливый одноклассник не пошел за мной! Если он это увидит, мне конец. В ужасе оглянулась, но Димы там не оказалось. Это хорошо.

Я уже была готова прошмыгнуть в подъезд, пока меня никто не заметил, но тут началась потасовка. Кто кого ударил первым – я пропустила, но отчетливо увидела, что на Надю бросился какой-то низкий, но крепкий мужик, и ударил по лицу. Только не это! Она взвыла, стала орать, драться, но, к счастью, осталась на ногах. Другие двое глазели и ругались, но ничего не предпринимали. Я бросилась к тёте, попыталась оттащить от бешеного мужика, помочь ей, но не успела оттолкнуть назад, как ощутила сильный тычок в плечо, от которого отлетела и ударилась бедром об угол скамейки. От боли проступили слезы, перед глазами всё запрыгало, и я, дезориентированная, осела прямо на лёд.

– Ребенка не тронь! – заорала Надя, загоразивая меня.

Если её не станет, я останусь совсем одна.

Надо срочно звонить в полицию. Но тогда нас могут поставить на учёт... Как же больно...

– Мужик, ты сесть хочешь? – услышала я вкрадчивый, злой голос Градова, возникшего рядом со мной. – Сюда уже наряд выехал, вали, пока не поздно.

Он говорил про записи в телефонах, о свидетелях. Тетины подружки сбежали сразу. Психованный мужик, бросив ругательства вперемешку с извинениями, ушел вслед за ними. А Надя, страшно пьяная, ругаясь и пошатываясь, велела Градову вести меня в квартиру.

Я смотрела в никуда, понимая, что в школу мне лучше не возвращаться.

Кажется, я достигла самого настоящего дна. Дальше падать просто некуда.

Глава 6

– Не вздумай заходить, – отчаянно прошептала я, когда Дима без раздумий сразу поднял меня на руки. – Пожалуйста, не ходи. Иди домой.

Градов, конечно, не стал меня слушать. Решительно зашагал за тётей, протиснувшись в открытую ею дверь. Я вжалась в его куртку и стиснула зубы, чтобы не заныть. Нога сильно болела, страшно было пошевелиться. Но страшнее было то, что одноклассник уже топтался позади тёти, которая зашла в квартиру и едва не свалилась, стаскивая с себя куртку и скидывая ботинки. Едкий запах табака и алкоголя врезался в нос. Я предприняла попытку выбраться из рук Димы, не дать ему пройти, но он лишь сильнее стиснул меня.

– Значит, ты тут живёшь? – спросил Дима негромко.

– Да, – обречённо выдохнула я, и Градов сразу шагнул в квартиру. – Но тут не всегда так. Это просто исключение, отмечали чей-то день рождения, – попыталась соврать я.

– Где твоя комната?

– По коридору направо, – проговорила сдавленно. – Не разувайся здесь, – предупредила его.

Пока меня не было, тут точно не теряли времени зря и отдыхали как могли. Повезло только, что сейчас никого лишнего не осталось, если не считать Градова. В любом случае лучше отсидеться в моей спальне, чем дышать этим кошмаром и наблюдать за тётей, которая, похоже, уже успела забыть, что её ударили, и что в квартире кроме неё кто-то есть. Зато она прекрасно помнила о припрятанной в недрах куртки бутылке. Да, ей точно не до нас.

На пороге комнаты одноклассник скинул кроссовки и прошел к старому креслу, куда меня и опустил аккуратно. Вернулся к двери и щелкнул выключатель. Зажегся тусклый свет, озарив мой скромный уголок, в котором прежде лишь пару раз бывал Дроздов. Так давно и нереально это было, словно и не в этой жизни вовсе. А теперь на протоптанном ковре стоял Градов и растерянно осматривал пространство. Со мной глазами не встречался. Что и неудивительно. Я же сидела тихо и боялась пошевелиться. И от боли, и от того, что тогда придется что-то говорить, делать. А пока можно притвориться, что меня здесь просто нет, и всё это происходит не со мной. Хотя бы на несколько мгновений обмануться.

Того, что увидел Градов, будет достаточно, чтобы до конца школы издеваться всем классом. Стоило хоть какой-то гадости просочиться в школу, как её начинали передавать друг другу, не переставая щедро добавлять разного рода подробности. От вполне безобидных до совершенно безобразных. Завтра все будут знать об этом. И если раньше в основном были какие-то глупости, слухи и предположения, которые Дима и не поддерживал обычно, то теперь всё будет иначе. Эксклюзивная история от авторитетного источника.

– Как ты? – спросил, наконец, Дима и присел рядом со мной. – Может, в больницу поедем? Я такси закажу.

Я прикрыла глаза и попробовала поднять ногу, покрутить, согнуть. Вроде всё получилось. Больно, но терпимо. Попыталась встать и чуть пошатнулась, хотела опереться о спинку кресла, но наткнулась на Градова, заботливо ухватившего мою руку.

– Я нормально. Видишь? – спросила я и осторожно перенесла вес на ушибленную ногу. – За ночь пройдет.

Дима кивнул, проследил, чтобы я снова села, помог снять рюкзак и выбраться из куртки. Делал всё молча, а я только периодически шмыгала носом и досадливо вздыхала. Могло быть хуже, если бы одноклассник не вмешался. Намного хуже. А что уж будет дальше, не представляю.

Парень сел на мою узкую кровать и оказался напротив меня. Кажется, он был слегка ошарашен увиденным.

– Прохладно, – сказал он и посмотрел на окно.

Нижняя часть лёгких штор была спрятана за батареями, чтобы и в комнату поступало больше тепла, и лишний холод не проникал. Не уверена, что это помогало, но ничего лучшего в голову не пришло.

– Спасибо, Дима. Мне жаль, что всё так случилось.

– Тебе не за что извиняться, не ты же это устроила, – сказал он, стянув шапку. – Скажу честно, – вдруг добавил он, и я страшно напряглась, готовясь защищаться. – Я слышал кое-что о тебе и твоей семье, но всё как-то обрывками, да и не вникал особо. Что угодно можно напелти, сама знаешь. Поэтому, я немного удивлён. Скажи, давно ты так живёшь?

– Так – это как? – спросила осторожно.

– В таких условиях, – сказал Градов так, словно и так очевидно.

Чтобы ответить ему, нужно было знать, что именно он увидел, какие выводы сделал. Не хотелось оправдываться за то, чего он заметить не успел. Так что я молчала и ждала продолжения. А ещё лучше, чтобы он скорее ушел. Бедро ещё болело, и я хотела проверить, что с ним. Но не раздеваться же при однокласснике. Да и в комнате его оставлять не стоит, если решу забежать в ванну и там осмотреть ногу. Кто знает, что у него на уме. А ещё столько дел... И эти слёзы, что засели в горле и только ждали минуты, чтобы вырваться наружу рыданиями. Так что надо выпроводить одноклассника, пока не разревелась прямо перед ним.

– Лен, я просто пытаюсь разобраться. Может, смогу помочь чем-то. Твоя родственница ведь не впервые устраивает подобный культурный отдых с приятелями. Это опасно. Тем более, ты – девчонка, а у тебя в спальне даже замка на двери нет. Может, обратиться...

– Нет-нет-нет, Градов, остановись! – испуганно проговорила я, соображая. – Знаю, всё выглядит ужасно, но не спеши, прошу! Тетя периодически срывается, это правда. Но когда она в завязке, всё отлично, правда. Не надо никуда обращаться, всё в порядке. Мне бы просто доучиться, просто переждать немного. Прошу тебя, никуда не надо обращаться!

Руки задрожали от страха и волнения. Если он расскажет своим родителям или сам привлечёт внимание учителей, то Надю точно лишат опекуна. Мы и так везде на галочке, а не трогают нас, по большей части, потому что многие знали мою бабушку и маму. Но времена меняются, везде уже новые сотрудники, и они то точно не станут закрывать глаза на то, что тут творится.

– Тише, успокойся, – сказал Градов и выставил ладони вперёд. – Я понимаю, Лен. Я лишь хотел предложить обратиться к мастеру по установке замков. Дверь нормальная здесь, проблем возникнуть не должно.

– Конечно, завтра же обращусь, – кивнула я поспешно, лишь бы уже ушёл. – Дим, спасибо за помощь и участие, я тебе очень благодарна. А сейчас мне нужно сделать уроки, тебе, наверное, тоже. Так что давай прощаться.

Дима мне не поверил. Он продолжал сидеть, осматривал комнату, иногда задерживая взгляд на чём-то. Я растерла лицо ладонями. Глаза почему-то болели. Голова тоже. Ну почему он не уходит? Опустила ещё дрожащие руки на колени и устало посмотрела на Градова. Взгляды встретились.

– Я даже не знаю, как спросить, – заговорил одноклассник и замялся, вновь отправляя моё сердце в пятки. – Может, сходим в пиццерию? Тут рядом хорошая есть.

– Это ещё зачем? – обречённо спросила я, уже ничего не понимая.

Градов опять замешкался, ладонью причесал волосы.

– Ну, поужинаем, а то как ты... – Дима осекся, очевидно, сам удивившись своей нерешительности. – Дубровина, ты поесть хочешь? Я вот хочу. Домой тебя проводил, от хулиганов спас, так что теперь либо корми, либо пойдем уже. Дойти помогу, не волнуйся.

Этот парень удивлял меня всё больше. Неужели он, как и я, растерялся и не знал, как вести себя? Но пора заканчивать.

– Дима, пожалуйста, уезжай. За меня не волнуйся. Как ты верно заметил, подобное происходит не впервые. Я разберусь, где и как мне поужинать, – проговорила я тихо, спокойно, но мои слова не подействовали, и я не выдержала: – Просто дай мне побыть одной, ладно? Мне это очень нужно.

Голос сорвался, слезы снова проступили на глазах. Градов порывисто встал, схватил свой рюкзак, поднял упавшую шапку и отправился к выходу.

– Я понял. Извини за настойчивость. Тогда, до завтра. И, если что-то понадобится, звони. Номер скину в личку.

– Спасибо, – ответила тихо, а когда услышала, что входная дверь закрылась, всхлипнула и разрыдалась, закрыв лицо руками.

Долго страдать мне не дали. Казалось бы, а что такого, выплеснуть всё, что душило, но нет, это непозволительная роскошь. И громкий резкий стук в дверь тому подтверждение. Я побежала в коридор, прихрамывая, и всем телом налегла на дверь, повернула замок. Один оборот и блок. Уф. Значит, за Градовым я всё же заперла дверь. А тот, кто был сейчас по ту сторону, попытался войти.

– Надюх, это я. Прости, слышишь? Открывай! – заорали в подъезде.

Мужской голос усилился эхом. Стыд-то какой. Он, наверняка, слышал щелчок замка, но отвечать я не собиралась, иначе вообще не отстанет. Таких ничем не прогонишь.

Слезы не останавливались, жгли лицо. Я всхлипывала, вытирала опухшие глаза и нос. Так. Времени уже много, а дела за меня никто не сделал. Надо успокоиться.

Тётя спала в своей комнате, в обнимку с тем, что стало ей так дорого, прямо в куртке. Иногда мне было её жалко до слёз, я искренне сочувствовала и хотела помочь, и старалась сделать это, всеми силами. А иногда... Лучше даже не обозначать те эмоции, которые она порой вызывала во мне. В страшном коктейле было много составляющих, от горячей ненависти до ледяного презрения. Но в эту часть своей души я старалась не заглядывать.

В квартире, и правда, было не жарко, и я накрыла ноги Нади теплым пледом. Не хватало ей ещё почки застудить для полного счастья. Я дернулась, когда стук раздался снова, теперь ещё громче, обернулась, прислушиваясь. В коридор не пошла, только поморщилась и мысленно попросила прощения перед соседями. Сердце стучало очень быстро и гулко, но я ощущала себя в относительной безопасности. Главное, чтоб окна не пошли бить, как это случилось летом.

Стук и требования повторились ещё несколько раз прежде, чем всё стихло. За это время я успела прибраться в спальне тёти. Живот сводило от голода и переживаний, сил не было, но лечь было рано. Я прошла в ванную, умылась почти горячей водой. Сняла джинсы и осмотрела бедро. Темно-фиолетовый с бордовыми вкраплениями синяк расплзся по коже.

– Да, могло быть и хуже, – повторила я шёпотом, шмыгнув.

Пока мыла полы на кухне и в коридоре, ощущала страшную слабость, а после обнаружила, что поднялась температура. Отложив градусник, раздумывала, глядя на цветочный узор штор – поспать или приготовить поесть и заняться уроками. Пришлось отложить сон и пойти на кухню. Вымыла посуду, стол, запустила стирку, села за домашку. Глаза болели.

Закончив с делами, легла только после полуночи, придвинув кровать к двери. Закуталась, как могла, и провалиться бы в сон, но страх завтрашнего дня, гонимый делами, теперь выполз на свет, обнажил клыки и когти и принялся за дело. Я попыталась почитать, чтоб отвлечься от неминуемого, но слова не имели смысла. Тогда взяла плеер, включила музыку, но и она сегодня не спасала. Полезла в социальную сеть, увидела сообщение от Градова, но заходить в него не стала. Хватит с меня сегодня впечатлений. И так сердце работает на износ.

Полистала ленту, вспомнила, что хотела посмотреть информацию про группу «Коснуться рассвета». Нашла сообщество, страницу солиста, который и был основателем музыкальной

группы. Зашла в видеозаписи, да так и зависла. Даже эмоции стали менять оттенок, с обреченности на что-то приятное. Проснулся интерес, любопытство. Ужасно захотелось узнать как можно больше о симпатичном музыканте, слова которого так глубоко проникали в душу.

Я отыскала несколько интервью с ним в сети и решила, что непременно должна посмотреть их, но уже не сегодня. Легла, закрыла глаза, размышляя о том, с чем пришлось столкнуться солисту, какая история любви стоит за этими песнями, клипами. Занятая этими думами, расслабилась, успокоилась и, наконец, задремала.

Глава 7

Утром я готовилась к худшему.

Проснулась до будильника от дурацкого сна, в котором я пыталась спрятаться от темной тени с очертаниями человека, что преследовала меня, держа в призрачной руке вполне такой настоящий тесак. Убегала от неё, как ни странно, сначала дома, а после и в школьных коридорах. Закончился кошмар тем, что я попала на балкон на третьем этаже и остановилась перед неутешительным выбором. Остаться и дать тени сделать страшное дело либо прыгнуть. Я выбрала второе, и как только тело полетело вниз, проснулась. Сердце грохотало, голова кружилась, а тревога уже перевела тело в состояние «бей или беги», в котором оно и так находилось большую часть времени, изматывая донельзя.

За окном ещё было темно и только свет фонарей разбавлял мрачную атмосферу комнаты, на стенах которой привычно качались тени сухой высокой травы. Тишина радовала. Значит, сегодня пойду в школу без посторонних запахов на одежде и волосах, и без пьяных свидетелей на кухне. Я села, аккуратно спустив больную ногу на пол. Взяла градусник, что оставила на столе рядом. Пока ждала результата, залезла в телефон, прочитала текст одной песни уже любимого исполнителя, что крутилась в мыслях и так и просила её пропеть. Я сдалась и тихонько напела пару строк, которые помнила:

...Я приду за тобой в феврале, поцелуй украду твой холодный

Я же знаю, ты любишь меня. Если нет, притворись, ты же можешь...

Я не знала почему, но кроме тревоги и сильного страха было что-то ещё будоражащее. Может, из-за треков, а может, и от слов Градова. Его фраза «Ты же красивая и учишься нормально...». Меня бросало в дрожь и краску от одного лишь воспоминания о том, что он сказал мне это. Надо же. Моя убитая самооценка цеплялась за этот внезапный комплимент, поднимала в груди что-то забытое или даже незнакомое. Не знаю, какое именно. Но после того как градусник показал нормальную температуру, мне захотелось чуть-чуть отклониться от своей цели быть невидимой. Раз уж, скорее всего, в ближайшее время мне всё равно придётся выслушивать разные гадости, то нужно себя подбодрить. Хотя бы чуть-чуть.

Когда я умылась и пошла на кухню, услышала, что тётя дома. Неужели решила остановиться? Кажется, через три дня ей нужно будет ехать на работу, пора бы и прекращать. Неизвестно, насколько затянется борьба с похмельем.

– Лен, принеси водички, – хрипло и тихо попросила Надя из комнаты.

Хороший знак. Ещё немного прихрамывая, налила воду и отнесла тёте. Молча поставила на пол рядом с диваном и вышла, не в силах дышать перегаром. Подогрела макароны и сделала себе сладкий чай. Быстро позавтракала и пошла в спальню. Рюкзак был готов с вечера, осталось только собрать себя.

Оделась почти так же, как и обычно, только вместо прямых брюк выбрала узкие, а вместо темной водолазки взяла светло-серую. Собрала волосы в высокий хвост, а ресницы совсем чуть-чуть подкрасила тушью.

Правда, не успела выйти из квартиры, как реальность обрушилась на меня тяжёлым камнем вместе с морозом. Я еле уговорила себя не возвращаться в квартиру, чтобы переодеться. И сделала это скорее из страха опоздания, а не потому, что преисполнилась уверенностью. Глупый порыв, ну о чем я только думала?! Что бы я ни носила, как бы ни красилась, меня всё равно втопчут в грязь. Так нужно ли пытаться что-то изменить? Смогу ли я повлиять на это? Не знаю. Но всё же попытаюсь. Сколько таких, как я было и ещё будет? Не сосчитать. Но как-то ведь справляются. Кто-то лучше, кто-то хуже, но живут дальше. Значит, и я смогу.

Пока шагала по темной улице, старалась думать о чём-то отвлеченном. Музыка, рисунки, Яр, библиотека и книги. Всё калейдоскопом крутилось в голове, но ни за что толком не могла

ухватиться. Стала наблюдать за паром, что появлялся при выдохе, залюбовалась свежим снегом, что разноцветными бисеринками блестел в свете жёлтых фонарей. «Ты красивая». Образ Градова снова вспыхнул перед глазами. Чего мне ждать от тебя сегодня, Дима?

Страхнув снег с сапожек, забежала в школу. Ребят было много. Кто-то спешно раздевался, кто-то еле шевелился, кто-то уже болтал или залипал в телефоне, сидя на подоконниках. Я прошла в раздевалку, передела обувь, развязала шарф, сняла куртку и тряхнула волосами. Да чуть не упала, когда поняла, что наискосок от меня, совсем близко, стоит Макс Дроздов и пристально наблюдает. Мы встретились взглядом, я замешкалась, уронила куртку. Быстро подняла, ожидая какой-нибудь подлянки исподтишка, но когда вновь посмотрела на Макса, он отвёл взгляд. А через секунду уже прошёл мимо, бросив:

– Как же ты бесишь.

Жар залил тело, лицо, поднялся до самых волос. Даже не знаю, чем успела ему насолить. Да это и не имеет значения. Кому нужно, тот всегда найдет повод придрататься. Весомый или вымышленный. Жаль только, что для меня это так важно, что я всегда ищу причины в себе, а не извне.

Максим знает тысячу и один способ вернуть меня в это болезненное и ненавистное состояние. И очень активно этим пользуется.

Первым уроком стояла физика. Я прошла в класс, тихо поприветствовала Зою и ещё нескольких девочек. Обрадовалась, когда увидела Яну. Градова не заметила в кабинете и это тоже чуть-чуть порадовало. С ним я пока не была готова встретиться. Помахала однокласснице, но та не заметила. Точнее, хмуро посмотрела мимо меня. До четвёртой парты третьего ряда оставалось пару секунд, но я спешно перебирала варианты того, чем могла вызвать такую реакцию и у нее. Макс-то понятно, он всегда мне «страшно рад». А вот Яна... Может, с книгой что-то? Да вроде нет, она была в отличном состоянии. Разве что могла пропахнуть табаком. Бррр. Надеюсь, дело не в этом.

– Привет, к тебе можно? – спросила я, едва различив свой голос за громким сердцебиением, когда остановилась рядом со стулом, на котором лежала большая сумка Яны.

Одноклассница глубоко вдохнула, выдохнула и повернулась, странно улыбаясь. Как-то натянуто, неприязненно. Да что же такое...

– Да, привет, конечно, – ответила она и убрала свою сумку.

Я села рядом, гадая, что случилось. Выложила учебник, тетрадь, ручку. Подруга всё смотрела на тех, кто входит в класс. Видимо, ждала кого-то. Обычно она сама начинала разговор, а тут снова что-то оказалось не так, раз она продолжала молчать.

– Как вчера в кино сходили? Понравился фильм? – решила начать я, пока вина за что-то пока мне не видимое, но уже осязаемое, не проела в груди дыру.

Яна дернулась, повернулась. Только сейчас, под идеальным, почти незаметным слоем косметики, я заметила, что её глаза выглядели воспаленными. Не выпалась? Или плакала?

– Прекрасно сходили. Фильм шикарный. Там и драма и экшн, полный набор, – ответила она нервно, пристально разглядывая меня.

И от этого стало не по себе. Я ступевалась, отвела взгляд, и наткнулась на Дроздова, сидящего на последней парте первого ряда. И именно в этот момент он посмотрел на меня и этот взгляд не предвещал ничего хорошего. Мои ночные и утренние мечты об интересной и спокойной жизни, которыми я подпитывалась, окончательно развеялись.

– Яна, что с тобой? Почему ты злишься? Если хочешь побыть одна, так и скажи, я пересяду, – сказала я тихо, решив прояснить ситуацию сразу, пока не стало ещё хуже.

Девушка моргнула, тряхнула волосами, используя телефон как зеркало и уже спокойно ответила:

– Извини. Не выпалась сегодня, настроение ниже плинтуса. Ты домашку сделала?

Я выдохнула. Не до конца поверила, но все равно стало чуть легче. Мы стали болтать, словно и не было этой заминки, пока Яна не зависла в мессенджере.

Я поставила руку, согнутую в локте, на парту, и положила голову на ладонь. Так удобнее было наблюдать, как начинается рассвет. Как лениво просыпается солнце и придает сочности всем краскам. И как второй день подряд дневное светило целует Градова, словно только ради него и поднялось в такую рань. Испугавшись, что Дима, так же лениво вошедший в класс, посмотрит на меня, убрала руку из-под головы и уставилась в свой телефон. Если не наговорит сегодня гадостей, то нужно будет его поблагодарить. Не встретить я его вчера, скорее всего, не сидела бы здесь сейчас.

Как-то само собой снова вспомнилось название группы. «Коснуться рассвета». Что-то есть в этом названии. Что-то отчаянное. Затянувшаяся тьма, поглощающая, тягучая. И желание из неё вырваться. Увидеть свет и прикоснуться к нему.

– Привет, – вдруг раздался совсем рядом голос Градова, и я сильнее вцепилась в телефон.

Бросила тихое и быстрое «Привет», не поднимая головы, и открыла тетрадь, лишь бы чем-то занять руки.

– Привет, – холодно поздоровалась Яна и сложила на груди руки. – Ты что-то хотел?

Обычно подруга ведёт себя более дружелюбно со всеми, а сегодня явно встала не с той ноги.

– Только поздороваться, – равнодушно произнес Дима и ушёл.

Я чуть расслабилась. Обошлось без замечаний, упрёков, издевательств. Но выводы делать пока слишком рано. Ещё целый день впереди. Неизвестно, что может выкинуть Градов. Я на всякий случай окинула взглядом класс, стараясь сделать это максимально незаметно. Яна что-то яростно строчила в телефоне. Зоя пыталась поспать, используя собственные руки в качестве подушки. Мила склонилась над тетрадью или книгой, отсюда было не разглядеть. Дроздов уже сидел с друзьями на подоконнике, закинул ноги на стоящую рядом парту. Они что-то обсуждали, дружно смеялись над одним парнем, но тот, кажется, был совсем не против. Лиза Ухова с подружками сидели во втором ряду. Кто-то делал селфи, кто-то красился, кто-то обсуждал дорамы.

Не успела я подумать о том, что Градов куда-то исчез, как позади раздался короткий смешок и насмешливое:

– Потеряла кого-то?

Я вздрогнула и по телу прокатилась волна жара. Повернулась к Диме и, окинув его быстрым взглядом, сказала первое, что пришло в голову:

– Считаю, сколько человек в классе.

От удивления брови парня поднялись, и он даже чуть улыбнулся.

– Это ещё зачем?

– Так надо, – ответила я с важным видом и сделала вид, что считаю дальше.

Как только закончила, быстро отвернулась и на секунду зажмурила глаза. Градов сидит позади меня и наблюдает за моими действиями. Ну не чудесно ли?

– Как так получилось, что ты ему улыбаешься? – наклонившись к моему уху тут же прошептала Яна. – Ты же терпеть его не можешь.

– Это нервное, – ответила я, чувствуя, как пылают щеки и шея.

– Понятно, – вздохнула подруга и, потеряв интерес ко мне, стала общаться с девушками со второго ряда.

За минуту до начала урока в класс вошла учительница, Наталья Николаевна. Спокойная, пунктуальная, она всегда хорошо относилась к ученикам и доходчиво объясняла материал. И учащиеся воспринимали её адекватно. Поэтому её уроки обычно проходили без инцидентов.

Я записывала заметки по материалу, который Наталья Николаевна давала устно, когда короткая вибрация телефона оповестила либо о сообщении, либо об уведомлении из установ-

ленных приложений, вроде тех, где указывался список именинников, выложенное видео или внезапный новый пост. Я схватила смартфон, положила на коленку, и продолжила записывать, сделав себе пометку найти, как отключить ненужные уведомления.

Звук настойчиво повторился, и я постаралась стать меньше и незаметнее, потому как казалось, что все одноклассники слышали его.

– Всё нормально? – прошептала Яна, оторвавшись от важного занятия: разрисовывания сердечками страницы в ежедневнике.

Я виновато пожала плечами, заглянула под парту и нажала на кнопку для предварительного просмотра. Кто-то писал в социальной сети. Наверняка чью-то страницу в очередной раз взломали и создали чат с сотней участников, чтобы те перешли по вредной ссылке якобы для голосования или где-нибудь зарегистрировались.

Но всплывающее окно не показывало автора сообщения. Похоже, я сама где-то в настройках это указала, чтобы в случае попадания телефона к другому человеку, вроде Дроздова или Градова, не облегчать им задачу. Я подняла голову, посмотрела на учительницу. Наталья Николаевна сидела за рабочим столом, возле первого ряда, и продолжала рассказывать про законы термодинамики. Я сделала ещё несколько заметок, а когда Степа Королев задал вопрос учительнице и начался их, скорее всего, долгий диалог, опустила голову. Положила гаджет так, чтобы даже если кто-то и попытается заглянуть, то ничего не увидит, и разблокировала экран. Я себе уже каких только ужасов не придумала, пока ждала загрузки страницы. И когда увидела, кто именно написал и что, отнюдь не успокоилась.

08:36 Дима Градов: «Как нога?»

08:38 Дима Градов «Игноришь?»

Я вспыхнула, с трудом удержалась от того, чтобы приложить ледяные ладони к щекам. Так, надо успокоиться и не дёргаться. Мельком глянула на Яну. Она без интереса пролистывала ленту новостей и хмурилась чему-то, не обращая на меня внимания. Я снова посмотрела на экран. Выше двух последних сообщений были и те, что поступили ночью. В одном Градов спрашивал, нужна ли его помощь, а во втором, пойду ли я в школу. Я решила, что надо бы ответить ему, хотя бы просто, для галочки, и чтобы не лез больше.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.